

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей
(Азиатский Музей)

MONGOLICA

Санкт-Петербургский журнал монголоведных исследований

Том XXIII • 2020 • № 1

Выходит 4 раза в год

Издается с 1986 г.

Учредитель: ФГБУН

Институт восточных рукописей РАН

191186. Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., д. 18
Тел.: +7 (812) 315-87-28
<http://orientalstudies.ru>
mongolica@orientalstudies.ru
kulgan@inbox.ru
dnosov@mail.ru

Редакционная коллегия:

- И. В. Кульганек, *главный редактор, доктор филологических наук (Россия)*
Д. А. Носов, *секретарь, кандидат филологических наук (Россия)*
Г. Билгуудэй, *доктор филологических наук (Монголия)*
А. Бирталан, *доктор наук (Венгрия)*
Ж. Легран, *доктор наук, профессор (Франция)*
В. Капишовска, *доктор наук (Чехия)*
М. А. Козинцев, *помощник секретаря (Россия)*
С. Л. Невелева, *доктор филологических наук (Россия)*
К. В. Орлова, *доктор исторических наук (Россия)*
М. П. Петрова, *кандидат филологических наук (Россия)*
Р. Поц, *доктор наук (Румыния)*
Л. Г. Скородумова, *доктор филологических наук (Россия)*
Т. Д. Скрынникова, *доктор исторических наук, профессор (Россия)*
С. Чулуун, *доктор исторических наук, профессор (Монголия)*
Н. Хишигт, *кандидат исторических наук (Монголия)*
Н. С. Яхонтова, *кандидат филологических наук (Россия)*

Оригинал-макет изготовлен издательством «Петербургское Востоковедение»

Литературный редактор и корректор — Т. Г. Бугакова

Технический редактор — Г. В. Тихомирова

✉ 198152, Россия, Санкт-Петербург, а/я № 2

e-mail: pvcentre@mail.ru; web-site: <http://www.pvost.org>

Подписано в печать 05.06.2020

Формат 60×90 1/8. Объем 13 печ. л. Заказ №

Отпечатано в типографии ООО «Свое издательство»,

Санкт-Петербург. 4-я линия В. О., д. 5. e-mail: editor@isvovoe.ru

ISSN 2311-5939
DOI 10.25882/snwj-pd98

© Институт восточных рукописей РАН
(Азиатский Музей), 2020

© Коллектив авторов, 2020

В НОМЕРЕ:

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ, ЭТНОГРАФИЯ

Г. Бямбарэгчаа. Об одной из традиционных игр халха-монголов	5
D. Heuschert-Laage. The Role of Oaths in Seventeenth-Century Manchu-Mongolian Political Culture	10
К. Kollmar-Paulenz. Imagining a “Buddhist Government” (mo. <i>törö šasin</i>) in seventeenth century Mongolia	18
A. V. Попов. Transformations in legal and social status of the North Mongolian nobility (XVIII — first half of XIX century)	28
Т. Ю. Сем. Проблемы этногенеза тунгусоманьчжуров. Часть 1 (современное состояние вопроса: от неолита до рубежа эр)	36

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ТЕКСТОЛОГИЯ

А. В. Зорин, Л. И. Крякина. Вопросы реставрации и текстологии двух тибетогрфических калмыцких свитков XVIII в. из собрания ИВР РАН.	49
---	----

СМЕЖНЫЕ ДИСЦИПЛИНЫ

И. А. Алимов. Заметки о сяошо: «Ко и чжи».	58
М. В. Иванова. Яма и Ями (Ригведа X, 10). Индоиранский миф	65
Ю. А. Иоаннесян. От ислама к бабизму.	79

РЕЦЕНЗИИ

И. Ю. Ванина, Ю. В. Кузьмин. Рец. на: Шинковой А. И. Буддийское наследие Монголии и Востока (XVII–XX вв.). Исследование и каталог восточных коллекций из собрания Иркутского областного краеведческого музея. Иркутск; Улан-Батор, 2018. 464 с.	89
И. В. Кульганек. Рец. на: Скородумова Л. Г. Монгольская литература XIX–XX веков. Вопросы поэтики / Труды Института восточных культур и античности. Выпуск LXII. М.: РГГУ, 2016. 306 с.	91
А. А. Туранская. Рец. на: Зорин А. В., Митруев Б. Л., Сабрукова С. С., Сизова А. А. Каталог сочинений тибетского буддийского канона из собрания ИВР РАН. Вып. 2. Индексы / под общ. ред. А. В. Зорина. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2019 (Orientalia). 952 с. ISBN 978-5-85803-508-4, 978-5-85803-520-6 (Вып. 2)	94

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

М. А. Козинцев. Четвертая Международная научная конференция «Тюрко-монгольский мир в прошлом и настоящем» памяти Сергея Григорьевича Кляшторного (1928–2014) (Санкт-Петербург, 12–13 февраля 2020 г.)	96
О. Н. Полянская. Научная конференция «Улымжиевские чтения – X. Монголоведение в современном мире: опыт исследований, перспективы развития» — дискуссионная площадка по вопросам монголоведения.	99

Т. Ю. Сем

Проблемы этногенеза тунгусоманьчжуров. Часть 1 (современное состояние вопроса: от неолита до рубежа эр)

DOI 10.25882/azev-mr04

© Т. Ю. Сем, 2020

Статья посвящена современному взгляду на проблемы этногенеза тунгусо-маньчжурских народов, основанному на данных преимущественно письменных источников и этнографии, с отдельными экскурсами в антропологию, язык и археологию. В ней характеризуется ранний период этнической истории тунгусо-маньчжурских народов — от эпохи неолита до рубежа эр. Обобщение проблемы на новом витке знания позволяет охарактеризовать формирование пратунгусов при участии трех групп конфедераций Центральной и Восточной Азии — *дун-и*, *дунху* и *хунну*, а также сформулировать идею связей тунгусо-маньчжуров с индоевропейцами, индоиранцами и скифами-пазырыкцами в духовной культуре. Отмечаются параллели с культурой Давэнькоу и карасукцами. В статье обосновывается правильность выводов классической этнографии и востоковедения о принадлежности племен *сушеней-илоу* к предкам тунгусо-маньчжуров, но с уточнением о смешении их на территории Китая с индонезийцами и о влиянии древних китайцев. Особое внимание уделяется тунгусо-маньчжурским параллелям в этнонимах и культуре (хозяйство, одежда, утварь, религиозные верования и культы) с племенами *сушеней*, *илоу*, *воцзюй*, *фулюй* китайских источников.

Ключевые слова: этногенез, культурогенез, древние тунгусоманьчжуры, Приамурье, Приморье, Прибайкалье, Забайкалье, Верхний Амур, Маньчжурия, письменные источники, этнография.

Сем Татьяна Юрьевна — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Российского этнографического музея, отдела этнографии народов Сибири и Дальнего Востока.
semturem@mail.ru

Введение. Истоки тунгусо-маньчжурского этногенеза

Этногенез и культурогенез тунгусо-маньчжурских народов является одной из сложных и до конца не решенных проблем этнической истории и происхождения традиционной культуры народов Сибири и Дальнего Востока. Детальный разбор отдельных теорий этногенеза тунгусоманьчжуров был проведен в работах отечественных исследователей XX в. За последние несколько десятилетий антропологическая, археологическая и лингвистическая науки заметно продвинулись в решении проблем этногенеза тунгусоманьчжуров.

В настоящей статье рассматривается обобщение материалов классических и современных исследований по данной теме преимущественно на основе письменных источников и этнографии с отдельными экскурсами в антропологию, язык и археологию, с собственным видением проблемы.

В результате последних исследований археологов концепция прародины тунгусоманьчжуров склоняется к маньчжурской версии. Байкальская гипотеза

А. П. Окладникова и Г. М. Василевич признается только за северными тунгусами, истоки которых связаны с прауральцами [Левин, 1958. С. 129–205; Туров, 2008]. Исходя из этого, можно предположить, что пратунгусоманьчжуры формировались на стыке Центральной, Северной и Восточной Азии с эпохи неолита и бронзы на базе следующих двух территорий: 1). Маньчжурия и Средний Амур (южные тунгусоманьчжуры) и 2). Забайкалье с Верхним Амуром и Б. Хинганом (северные тунгусы). Соответственно, они впитали культуры различных групп народов, состоящих из уральских (в Прибайкалье), алтайских — древних корейских, монгольских и тюркских (в Центральной и Восточной Азии), палеоазиатских, индонезийских и восточноазиатских (на Дальнем Востоке) элементов.

Истоки антропологического типа байкальцев, к которым относились тунгусоманьчжуры Сибири и Приамурья, восходят к эпохе неолита Приморья 5-го тыс. до н. э. [Балуева, 1978. С. 184–187]. Оттуда они распространились вначале на юг в Маньчжурию и Восточный Китай (культуру Давэнькоу), где смешались с индонезийцами [Гохман, Решетов, 1977. С. 47–

56], а также на северо-восток на Амур. На Нижнем Амуре, судя по археологическим находкам маскоидов и статуэток, а также по наскальным изображениям, в эпоху неолита 5–4-го тыс. до н. э. обитали монголоиды, айноиды и эскимойды [Okladnikov, 1981. С. 16, 19, 22, 26, 27]. Антропологи полагают, что на Нижнем Амуре, в Маньчжурии и Корее происходило смешение байкальских и восточноазиатских монголоидов [Чебоксаров, 1949. С. 68]. В 4-м тыс. до н. э. байкальцы проникают на северо-запад до Байкала, а во 2-м тыс. населяют Верхний Амур. В 3-м тыс. до н. э. часть населения с Нижнего Амура продвигается на Средний и Верхний Амур [Деревянко, 1976. С. 264]. О движении пратунгусов с Амура и Приморья в Забайкалье и Маньчжурию свидетельствует анализ фонетических ареалов у тунгусо-маньчжурских народов. Амурский П-ареал признан наиболее архаичным [Цинциус, 1978. С. 62–63]. В пользу маньчжурской прародины тунгусо-маньчжуров высказываются сибирские археологи. По мнению одних, она соотносится с носителями Дунбэйской культуры Маньчжурии и Среднего Амура, а также с культурой плиточных могил эпохи бронзы, включая Забайкалье [Ларичев, 1959. С. 75–95], по мнению других — с неолитическими культурами Южной Маньчжурии [Алкин, 2007. С. 62–80, 118–119]. Некоторые антропологи и этнографы соотносят ее с восточно-китайской культурой Давэнькоу [Гохман, Решетов, 1981. С. 47–56].

Конфедерации *дун-и*, *дунху* и *хунну* в этногенезе тунгусо-маньчжуров

Согласно китайским письменным источникам и данным археологии, в Центральной и Восточной Азии (в Монголии, на Алтае и в Забайкалье, в Северном Китае) в 1-м тыс. до н. э. была распространена огромная конфедерация племен группы *ху* — на западе *хунну*, на востоке — *дунху*, на юго-востоке от которых проживали *дун-и* [Викторова, 1980. С. 119–131]. Их истоки относятся к периоду 3-го тыс. до н. э. В это время на территории Центральной Азии произошло формирование двух восходящих к более раннему периоду зон — западной, в которой преобладало европеоидное население, и восточной — с преобладанием монголоидного населения. На их базе в эпоху бронзы сформировались культуры двух типов: на западе — культуры карасукского типа, для которых были характерны колесницы, культ оленя, звериный стиль в искусстве, на востоке — культура плиточников с триподами и с культом быка [Новгородова, 1989. С. 320]. Первые связывают с индоевропейским населением, вторую — с монголоидами *дунхусцами* китайских источников [Викторова, 1980. С. 104–129; Новгородова, 1989. С. 316–321].

Большинство исследователей относили *дунху* к монголоязычному населению [Таскин, 1984. С. 39–62; Викторова, 1980. С. 73, 120, 180], но существует

и другая точка зрения — о смешанном населении, согласно ей, из племен *дунху* образовались современные монгольские и тунгусо-маньчжурские народы, некогда имевшие общие корни [Шавкунов, 1959. С. 49]. О смешанном состоянии тунгусов (маньчжуров) с монголами писал известный востоковед Н. Я. Бичурин [Бичурин, 1950. Т. 2. С. 8]. По мнению современного исследователя Э. Б. Дашибалова, территория Южной Маньчжурии и Внутренней Монголии, где локализируются *дунху*, является центром монголо-маньчжуро-корейского этногенеза и культурогенеза. Согласно этой позиции, *дунху* на западе, смешавшись с индоевропейцами, образовали группу *хунну* [Дашибалов, 2011. С. 1–29]. На востоке границы восточных степняков *дунху* и восточных варваров *дун-и* были подвижны, при этом образовывались контактные группы [Викторова, 1980. С. 120]. Можно предположить, что *дунху* и *дун-и* смешались еще в ранний период их взаимодействия и, как будет показано далее, часть *сушеней* (*дун-и*) вошла в состав *дунху*. Таким образом, протомонгольские и тунгусо-маньчжурские языки могли смешаться, образовав единый пласт. О. В. Дьякова полагает, что время расхождения тунгусо-маньчжуров (мохэсцев) с протомонголами (борхотуйцами), истоком которых были сяньби на территории Внутренней Монголии и Западной Маньчжурии, относится к III в. до н. э. [Дьякова, 2008. С. 66, 69].

Полагаем, первоначально *сушени* (*дун-и*) и *дунху* составляли разные этнические группы, но смешались в процессе этно- и культурогенеза. В VI–VII вв. в составе конфедерации *дунху* и племени *хи* (*кумохи*) выделились, наряду с другими группами, три тунгусо-маньчжурских аймака — *увань* (эвенки и эвены), *мохэфо* (*мохэ*), *жугэчжу* (*чжурчжэни*) [Бичурин, 1950. Т. 1. С. 74, 371], что означало вхождение потомков *дун-и* в состав *дунху*.

По поводу этнической принадлежности *хунну* до настоящего времени ведутся споры. Сводку теорий привел Г. Дёрфер. Большинство относит *хунну* к тюркоязычным народам, есть мнение об их монголоязычности, наряду с *дунху*, их восточными соседями-степняками, либо кетоязычности, допускается также, что они пользовались неким вымершим языком. Кроме того, часть исследователей относят к *хунну* все три группы алтайцев — тюрков, монголов и тунгусов [Дерфер, 1986. С. 72–73; Баскаков, 1981. С. 15–20]. Также известно, что *хунну* активно взаимодействовали с индоиранцами — *юэчжами*. Полагаем, что *хунну*, смешавшись с *дунху*, включили, наряду с тюркским компонентом, монголоязычное и пришедшее из Маньчжурии и с Амура тунгусо-маньчжуроязычное население группы *дун-и*, смешанных с *дунху*. К этому периоду на Алтае, по материалам Г. М. Василевич, относится, помимо кетских и самодийских гидронимов, тунгусская топонимика — река и горный хребет на Западном Саяне — Кантегир, р. Камчала [Василевич, 1957. С. 61]. В составе эвенкийских родов и территориальных групп исследо-

ватели выделяют группы *хуннуского* происхождения — *дулу* (*дуликагур*), *иологэ* (*иологир*) [Туголуков, 1980. С. 162–163]. К ним следует добавить также средневековое тюркское племя *тонгра* (*тунло*) хуннуского происхождения, которое вошло, по нашему мнению, в состав северных тунгусов и дало этноним *тунгус* от центральноазиатского *тунг/денг* — ‘люди’ [Сем, 2015. С. 25–27].

На Алтае и в Монголии проходила граница распространения индоевропейцев и индоиранцев (*юэчжэй*) с *хунну* и *дунху*. Именно в период этих контактов эпохи бронзы были возможны тунгусо-индоевропейские и индоиранские заимствования в языке и культуре. В скифский период на Алтае носители пазырыкской археологической культуры VI–III вв. до н. э., относящиеся к ираноязычным скифам, контактировали, по-видимому, не только с тюрками, но и с тунгусами. Об этом свидетельствует мифология, иконография на ритуальных предметах (коврах, скульптуре). Полагаем, тунгусоманьчжуры заимствовали от центральноазиатских скифов-пазырыкцев культ космического солнечного оленя с ветвистыми рогами, легенду о девах-лебедях и молочном озере, отдельные ритуалы шаманско-жреческого типа, в частности, поход к богине плодородия, хозяйке солнечного дерева.

В. М. Иллич-Свитыч, вслед за М. А. Кастреном, считал, что территория праалтайского языка относится к Алтаю [Иллич-Свитыч, 1971. С. 45]. По мнению Э. В. Шавкунова, карасукская культура бронзового века Западной Монголии и Южной Сибири была центром протоалтайского этногенеза [Шавкунов, 1990. С. 171]. Известно, что в составе карасукцев были европеоиды и дальневосточные монголоиды [Киселев, 1951. С. 115–116; Новгородова, 1989. С. 124, 257]. Это может свидетельствовать о том, что часть праалтайцев *дунху*, среди которых были тунгусоманьчжуры, вошла в состав *хунну*, смешавшись с *юэчжэями*. Э. В. Шавкунов выделил параллели с карасукцами в украшениях и типе орнамента у чжурчжэней и эвенков. К числу таких параллелей относится орнамент в форме зигзага и ромбов, крестов, отмеченный на керамике чжурчжэней и на одежде эвенков; наличие лапчатых серег и подвесок у чжурчжэней и народов Амура (нанайцев, ульчей), у якутов и казахов. К тем же параллелям относятся серебряные и бронзовые носовые серьги у нанайцев, перстни и браслеты, общие с карасукскими, у чжурчжэней и народов Амура [Шавкунов, 1990. С. 172]. В качестве более ранних параллелей следует отметить наличие на керамике Давэнькоу геометрического орнамента в виде треугольников и зигзагов, а также криволинейного орнамента в виде волны, аналогичных орнаментам тунгусоманьчжуров Сибири и Амура [Археология зарубежной Азии, 1986. С. 297]. Кроме того, на керамике Давэнькоу имеются изображения змей [Чжан Яцин, 1984. С. 94]. Подобные рисунки встречаются также на неолитических петроглифах Нижнего Амура [Окладников, 1971. С. 149].

Сушени и илоу, воцзюй, фуюй — тунгусоманьчжуры

В китайских письменных источниках непосредственными предками тунгусоманьчжуров называются *сушени* или *сишени*, редко *цишени* группы *дун-и* [Кюнер, 1961. С. 268; Бичурин, 1950. Т. 2. С. 8; Ларичев, 1964. С. 119–129; 1980. С. 9]. В Ши цзы отмечено, что «Шунь умиротворил на севере племена *шаньжун*, *фа* и *сушень*», которые проживали в глубинных районах Китая в конце 3-го тыс. до н. э. эпохи древнего Чосона на севере Восточной Азии [Сыма Цянь, 1972. С. 147]. Очевидно, что культура *сушени* (*дун-и*) уходит в более древние времена и относится к эпохе неолита. По мнению тунгусоведа М. Х. Белянской, формирование пратунгусов в составе населения Восточной Азии относится в конце 1-го — началу 4-го тыс. до н. э., а в начале 3-го тыс. они уже продвинулись на северо-восток Китая и северо-восток Кореи в составе *дун-и* и в 1-м тыс до н. э. пришли в бассейн Амура [Белянская, 2004. С. 15–16].

Это подтверждается данными лингвистических исследований. По данным А. А. Бурькина, разделение протонивхов и тунгусоманьчжуров на Амуре произошло в 5–4-м тыс. до н. э. [Бурькин, 1988. С. 140]. В культуре и языках тунгусоманьчжуров выделяются различные субстраты: у эвенков зафиксированы прауральский, юкагирский, енисейский пласты [Туголуков, 1980. С. 169–173]. На Амуре отмечаются чукотско-камчатские и древненивхские элементы [Бурькин, 1984. С. 20–23]. В нанайской ритуальной лексике выделяют индонезийские и айские элементы [Шавкунов, 1990. С. 29]. В удэгейском языке отмечаются амурский субстрат тихоокеанских языков Юго-Восточной и Северо-Восточной Азии, айнов и Америки, отдельные заимствования из чукотско-камчатских языков [Певнов, 1984. С. 57–59]. Это согласуется с выделением этнокультурного субстрата на Амуре, связанного с народами Юго-Восточной Азии и Америки [Окладников, 1971. С. 121; Васильев и др. 2015. С. 296, 309, 318, 322, 360, 362, 371; Смоляк, 1980. С. 183–192].

Этногенез *сушени* корейский исследователь Ли Джирин связывал с племенами летописных *дяо-и* и древнекорейскими племенами *вэймо* Маньчжурии [Бутин, 1982. С. 70]. Китайские археологи соотносят захоронения в каменных ящиках с жертвоприношением свиньи в регионе Тученцзы с *сушенями* [Дервянко, 1976. С. 223–227].

Вероятно, в Китае *сушени* в ранний период неолита взаимодействовали с предками китайско-тибетского населения. Согласно китайским источникам, известно, что *сушени* интенсивно контактировали с *чжоусцами* [Сыма Цянь, 1972. С. 321], выступив в союзе с ними против *иньцев*, а также с *шаньжунями*, которых соотносят с тибето-бирманцами. *Сушени* возглавили девять племен восточных инородцев, присвоив себе имя *сюйи* [Кюнер, 1961. С. 22; Ларичев, 1980. С. 12–13]. Контакты продолжались и в

эпоху Хань [Ларичев, 1959. С. 75, 94–95; 1980. С. 11; Шавкунов, 1959. С. 40]. Позднее *шаньжуны* вытеснили *сушеней* из Китая на север, в Маньчжурию [Бутин, 1984. С. 42]. Согласно летописи Чуньцю и данным археологических раскопок, *шаньжуны* эпохи бронзы Северо-Востока Китая (Хэбэй) соотносятся с населением древнего Чосона Северной Кореи [Крюков и др., 1978. С. 186–187]. В их состав в тот период входили тунгусоманьчжуры и древние корейские племена. Наряду с этим, среди *шаньжунов* Маньчжурии были известны предки средневекового племени *улохоу* (они же *уланха*), с которыми связывают тунгусов (эвенков-орочононов). Они также позднее, в VIII в. н. э., были отмечены в составе *кумохи* группы *дунху* на территории Большого Хингана [Кюнер, 1961. С. 65].

В историографии Дальнего Востока этническую группу *сушеней* относили к тунгусоманьчжурам, палеоазиатам, индонезийцам, к смешанному населению — палеоазиатско-тунгусскому, тунгусско-индонезийскому или протоайнам [Бичурин, 1950. Т. 2. С. 8; Бутин, 1982. С. 72; 1984. С. 42; Шавкунов, 1990. С. 28]. Такой разброс мнений связан с малым количеством информации о них в письменных источниках. Тем не менее даже те краткие сведения, которые имеются, позволяют со всей определенностью интерпретировать этническую принадлежность их как тунгусоманьчжуров, подтверждая классическую востоковедческую традицию.

1). Первое упоминание о *сушенях* содержится в «Бамбуковых анналах»: *сушени* принесли в дар императору Шуню в 2225 г. до н. э. лук и стрелы с каменными наконечниками [Ларичев, 1964. С. 120]. В дальнейшем в «Ши цзи» отмечено, что в 2021 г. до н. э. *сушени* принесли в дар китайскому двору каменные наконечники стрел *ку*, которые были названы *сушенскими* стрелами [Ларичев, 1980. С. 90]. Последнее упоминание о посольстве *сушеней*, отправленном к императору Сун Сяо Уди, относится к 459 г. н. э. [Ларичев, 1980. С. 20–21]. В корейских источниках *сушеней* называли *суксин* [Бутин, 1982. С. 13], в японских — *сюкусин* или *мисихасэ*, которых в VIII в. связывали с *маккау* (кит. Мохэ) [Соколов, 2014. С. 220–221].

2). Этноним *сушени* был отмечен в китайских источниках в различных фонетических вариантах: *сушень*, *сишень*, *цзюйшень* [Кюнер, 1961. С. 268], кроме того, в качестве самоназвания группы племен, возглавляемых *сушенями*, приводится термин *сюй-и* [Кюнер, 1961. С. 221]. Полагаем, что к *сушеням* относится более поздний этноним Маньчжурии и Прибайкалья — *си* или *хи*, а также этноним *кумохи* [Бичурин, 1950. Т. 2. С. 370], применявшийся к *сушеням*, которые вошли в конфедерацию *дунху* и смешались с ними. В составе группы *кумохи* были отмечены предки эвенков и орочононов — *увань*, *хувань*, *гюй*, *цюй* и *улохоу*, *улянха* (*уранкаи*), продвинувшиеся в средневековье периода мохэ-чжурчжэней на восток

в бассейн Амура [Бичурин, 1950. Т. 1. С. 370; Кюнер, 1961. С. 66]. Судя по этимологии имени *сушеней*, наиболее ранним является вариант *си/хи*, который сопоставим с праалтайским названием **кил* — ‘человек’ [Старостин, 1991. С. 283]. Вариантом этого названия является слово *илэ*, *ел* — ‘человек, люди’ в тюркских, восходя к древнетюркскому, и монгольских, а также в тунгусских (эвенкийском) языках [Сравнительный словарь, 1975. С. 311]. К этому названию относится этноним *илоу* — название потомков *сушеней*. Согласно «Цзинь шу», *сушени* были отеснены из Китая (по одной версии — *шаньжунами* [Бутин, 1984. С. 42], по другой — *чжоусцами* [Шавкунов, 1959. С. 42]) на территорию Маньчжурии (к северу от гор Чанбайшаня на Сунгари) и Приамурья, Приморья, где в дальнейшем, в эпоху Хань, во II в. до н. э. — II в. н. э. стали известны под именем *илоу* [Бичурин, 1950. Т. 2. С. 23–24; Шавкунов, 1959. С. 42].

В востоковедческой литературе было высказано мнение о связи этнонима *сушени* с этнонимом *чжурчжэни* [Кюнер, 1961. С. 258]. Это подтверждается тем, что самоназванием *чжурчжэней* является этноним *сишен* [Сравнительный словарь, 1975. С. 278], фонетически близкий к названию *сушени*. Кроме того, этноним *сушени* сопоставляется с названием древнекорейского государства Чосон [Бутин, 1982. С. 14], которое, в свою очередь, связано с нивхским и айнским *чүф* — ‘солнце, свет’.

Илоу большинство китайских и российских исследователей соотносят с тунгусами [Деревянко, 1976. С. 273; Воробьев, 1994. С. 25, 28; Шавкунов, 1990. С. 34–35, 193]. По мнению Ю. М. Бутина, кроме тунгусов в их состав вошли также палеоазиаты [Бутин, 1984. С. 49]. Среди археологов нет единого мнения по вопросу идентификации летописных *илоу* с археологическими культурами. Одни исследователи сопоставляют *сушеней-илоу* с кроуновской культурой Приморья [Шавкунов, 1990. С. 27], другие — с польцевской [Окладников, 1968. С. 33–39; Воробьев, 1994. С. 107; Бродянский, 2004. С. 111]. Существует также мнение о том, что польцевцы — это палеоазиаты [Деревянко, 1976. С. 274], *илоу* — янковцы, *воцзюй* — кроуновцы [Бродянский, 2004. С. 105–116]. А. П. Окладников обнаружил среди артефактов польцевской культуры Верхнего Амура наручный щиток для стрельбы из лука, модель лодки и тунгусскую колыбель, характерные для эвенкийской культуры, на основе этих предметов был сделан вывод о тунгусской принадлежности польцевцев [Окладников, 1968. С. 28]. Эта версия подтверждается также семантикой орнамента у них. Судя по декору керамики польцевцев, у них был развит культ солнца и распространен полосовой многоуровневый орнамент, характерный для верований и ornamentации одежды эвенков.

3). Относительно внешнего облика *сушеней* в источниках нет прямых сведений, но известна причес-

ка *илоу* — они заплетали косы [Кюнер, 1961. С. 254], что практиковали также тунгусоманьчжуры — *мохэсцы*, принадлежность которых к тунгусоманьчжурам доказывается тем, что *хэйхуй* и *сумо мохэ* составили основу чжурчжэней, чья письменность дешифруется как тунгусо-маньчжурская [Певнов, 2004. С. 5–6]. Нигде не отмечена волосатость *сушеней*, которая была характерна для айнов и частично индонезийцев (южно-азиатский монголоидный тип, смешанный с айноидным). Поэтому версия Э. В. Шавкунова о том, что *сушени* — это праайны, нам представляется ошибочной. Полагаем, что сопоставлять *сушеней* с айнами можно только так, что *сушени* (тунгусоманьчжуры) вошли в состав айнов. Этому имеется прямое свидетельство японских источников, в которых говорится, что в VI в. *сюкусин* (кит. *сушени*) совершали плавания к Японским островам, где и вошли в состав *эдзо* — предков айнов [Соколов, 2014. С. 221]. Об индонезийском пласте (летописных *хяято* и *кумасо*) в культуре древней Японии в составе древних айнов и японцев также уже писали исследователи. С. А. Арутюнов, в частности, отмечает сложность разграничения антропологически и археологически древних айнов и индонезийцев [Арутюнов, 1960. С. 61–62].

4). Доказательством принадлежности *сушеней* к тунгусоманьчжурам являются сведения по их культурным особенностям.

Согласно «Хоуханьшу», *илоу* вели комплексное хозяйство, как и чжурчжэни, занимались земледелием (выращивали пшеницу, просо и другие злаки), отгонным скотоводством на общеродовых пастбищах (преимущественно свиноводством и коневодством, но имелись и быки, и коровы) и охотой [Бичурин, 1950. Т. 2. С. 23–24]. При захоронении умершего в наружном саркофаге *илоу* клали на него жертву в виде кусков свиньи [Шавкунов, 1959. С. 70]. Свиноводство широко практиковалось у народов Восточной и Юго-Восточной Азии и могло быть распространено у ранних *сушеней* во время их пребывания в Китае. В неолитических культурах Давэнькоу и Цюйцзямин в погребальном обряде использовались в качестве жертвы также нижние челюсти и черепа свиней [Археология зарубежной Азии, 1986. С. 297, 302–303].

Главную роль в хозяйстве *сушеней* во время пребывания их в Китае, по-видимому, играла охота. Дань китайским правителям они платили стрелами из дерева *ку* (то есть использовали в войне и охоте лук со стрелами), а также животными, особенно ценились олени и соболи [Кюнер, 1961. С. 268; Ларичев, 1980. С. 10–12]. Стрелы смазывали ядом животных [Бичурин, 1950. Т. 2. С. 24; Кюнер, 1961. С. 221, 255, 268; Шавкунов, 1959. С. 67–68]. Этот обычай был распространен у *мохэ* и эвенков, а также у чукчей на Северо-Востоке Азии. Айны из всех дальневосточных народов наиболее широко применяли яды, но преимущественно растительного происхождения, часто это был яд аконита. По-видимому,

древний обычай использования яда во время охоты и войны был заимствован древними тунгусами *сушенями* еще во время пребывания их в Китае по соседству с индонезийцами *юэ*, от которых он мог попасть и к айнам.

Очевидно, ранние *сушени*, страна которых, по словам Конфуция, называлась «страной кречетов» [Ларичев, 1980. С. 10], использовали хищных птиц для ритуальной охоты. Это позволяет включить *сушеней* в круг алтайских народов Центральной и Восточной Азии, включая киргизов, казахов, монголов, маньчжуров, бурят, у которых была широко распространена охота с соколами и другими хищными птицами. У средневековых монголов XIII в. и у маньчжуров широко бытовали ритуальные охоты правящего дома с соколами [Иванов, 1954. С. 270, 273]. Также хищные птицы — орел, сокол, ястреб — являлись шаманскими птицами, духами-помощниками эвенков, маньчжуров, удэгейцев.

Как сообщает источник, летом жилищем у *илоу* служили строения наподобие «птичьих гнезд» на дереве, т. е. в свайных постройках, зимой — землянки с выходом наверх [Бичурин, 1950. Т. 2. С. 24; Кюнер, 1961. С. 254; Шавкунов, 1959. С. 68–69]. Свайные постройки имелись у народов Нижнего Амура, у нанайцев XIX в. они использовались в качестве мужских общественных домов и хозяйственных помещений, у ульчей и нивхов практиковались свайные хозяйственные постройки [Сем, 1973. С. 76–77]. Землянки также были распространены у нанайцев, ульчей и нивхов в качестве зимнего жилища, землянки с выходом наверх сохранились у более северных, палеоазиатских народов — коряков и ительменов. О чукотско-камчатском языковом субстрате в языках тунгусоманьчжуров Амура, как отмечалось выше, писали лингвисты.

В качестве посуды для пищи *илоу* использовали треножки *ли* [Кюнер, 1961. С. 254; Шавкунов, 1959. С. 69], которые были известны многим народам Восточной Азии в эпоху неолита, в том числе в культуре Давэнькоу, что свидетельствовало о роли скотоводства в хозяйстве.

Китайские источники свидетельствуют, что *илоу* одевались зимой в шкуры свиней, а летом ходили нагими, закрывая двумя передниками низ спереди и сзади [Бичурин, 1950. Т. 2. С. 24; Шавкунов, 1959. С. 68]. Этому имеются тунгусо-маньчжурские параллели. Мужчины и женщины эвенков Приангарья в XVII в. летом носили короткие юбки, надетые на голое тело, а зимой шили кафтаны с нагрудниками, короткими штанами-ноговицами и обувь из шкур оленя [Идес, Бранд, 1967. С. 122]. Известно, что два передника, сшитых в юбку, носили удэгейцы и орочи Приморья, юбку носили также нивхи Амура и Сахалина в конце XIX — начале XX в. Два передника в качестве одежды были широко распространены у индейцев Северной и Южной Америки, а также известны у народов Юго-Восточной Азии. Вероятно, их бытование связано с древними миграциями с юга на Амур и в Америку. *Илоу* занимались ткачеством,

пряли пряжу и делали полотно. Также отмечается, что они использовали для изготовления одежды кору дерева *лочан* [Кюнер, 1961. С. 254]. Обычай изготовления одежды из луба был широко распространен у народов Восточной и Юго-Восточной Азии, в том числе у индонезийцев и айнов, что подтверждает наличие этого пласта в культуре древних тунгусо-маньчжуров.

Тип зимней одежды северных тунгусов свидетельствует о южных чертах их состава и кроя, наличие нагрудника и ноговиц имеет параллели с одеждой народов Восточной Азии [Сем, 2017. С. 202–208]. Истоки использования ноговиц и натазников в сочетании с короткой кофтой, судя по изображениям на антропоморфных фигурках Догу, связаны с культурой Дземон неолита Японских островов. Одна из фигурок ассоциируется с богиней солнца, имеет нагрудное украшение с бляхой-символом солнца, другая фигурка связана с божеством змей (на голове имеет изображение головы змеи) [Harada Masauki, 1995. P. 12, 60].

Культ солнечного змея был широко распространен в мифологии народов Амура и Японии — нивхов, нанайцев, айнов [Штернберг, 1933. С. 568–577; Сем, 2015. С. 230–231]. В Давэнькоу на керамике имеются изображения свернувшейся спиралью змеи либо группы змей [Археология зарубежной Азии, 1986. С. 297], что свидетельствует о восточноазиатских параллелях этого образа. Также на керамике Давэнькоу имеются иероглифические надписи со знаками горы, огня, солнца, обладающие сходством с древнекитайскими иньскими иероглифами, что свидетельствует об их влиянии и о существовании аналогичных культов [Археология зарубежной Азии, 1986. С. 319].

Способ погребения *илоу* имел аналоги у тунгусо-маньчжуров Амура конца XIX — начала XX в. Это захоронение в наземном домике — родовой или семейной усыпальнице. В Цзинь шу сказано: «Умершего в тот же день хоронят в каком-нибудь глухом месте. Одновременно из дерева делают маленький надмогильный домик, убивают свинью, которую кладут в него в качестве провианта усопшему. Уважают тех, кто не ходит в трауре и не скорбит» [Бичурин, 1950. Т. 2. С. 23–24; Кюнер, 1961. С. 254–255; Шавкунов, 1959. С. 58–70]. Ларичев отмечает важную деталь — к гробу привязывали веревку и оставляли снаружи [Ларичев, 1980. С. 24, 26–27], как это делали удэгейцы, ульчи и нанайцы [Сем, 1984. С. 109–119].

Воцзи-чжигулоу

Соседями *илоу* были *воцзюй*, *воцзи*, причем северные *воцзюй*, или *чжигулоу*, относились к родственным народам группы *лоу*. В «Сань Го чжи» и «Вэй шу» отмечается, что они были в подданстве с *Гоули*.

О племенах *воцзюй* в «Хоу хань шу» сказано, что их язык, пища, одежда и жилища похожи на *гоулийские* [Бичурин, 1950. Т. 2. С. 28–29; Шавкунов, 1959. С. 71, 73]. В свете этого по языку они были близки также когурё, в состав которых входили племена *гуйлоу лоусской* группы [Шавкунов, 1959. С. 45–46]. Исследователями было отмечено наличие окончания *ла* в родовых названиях маньчжуров, тунгусских народов Амура и северных тунгусов, сопоставимых с *лоусской* группой [Лебедева, 1958. С. 103–104; Березницкий, 1996. С. 146–147]. Этноним *чжигулоу*, полагаем, можно связать с названиями тунгусских племен у эвенов *эдян*, эвенков *эджен*, нанайцев и ульчей *одзял*. В IV–VI вв. на территории Приамурья, Приморья и Маньчжурии выделяется племя *уцзи* (*уги*), они же *мохэ*, *мукри* — поречане. Этноним *уцзи*, так же как и *чжигулоу*, является ранним названием этих племенных групп *эджен* тунгусо-маньчжуров. Как известно, *воцзи* Приморья в XV в. включали три нанайских рода [Мелихов, 1974. С. 48].

Ранние *воцзюй* являлись земледельцами (источник говорит, что земли их были плодородными и выращивали пять злаков — рис, пшеницу, просо, сою и гаолян), скотоводами, охотниками, а также промышляли морских животных [Шавкунов, 1959. С. 71–73].

Погребальный обряд *воцзюй* состоит в следующем: «По смерти человека тело прикрывают землей до тех пор, пока не сгниет, затем кости помещают в семейную усыпальницу. Из дерева вырезают подобие умершего, которое кладут с ним для счета. Глиняный сосуд *ли* (треножник) с рисом вешают на двери наружного сооружения» [Бичурин, 1950. Т. 2. С. 28–29; Шавкунов, 1959. С. 71, 73]. Обычай класть в гроб деревянную куклу вместо умершего практиковали также *чжурчжэни* и нанайцы [Сем, 1973. С. 126–130]. А *мохэсцы* клали в гроб к умершему служащие либо заместителями умершего, либо родовыми духами-покровителями конские бабки с изображением человека в одежде — надетом на него поясе [Деревянко, 1981. С. 116–117]. Близкие погребальные обряды с сооружением наземной усыпальницы и обычаем помещать в гроб заместителя умершего, если тело не найдено, были известны нанайцам и удэгейцам в конце XIX в.

У *воцзюй-чжигулоу* великий военачальник одновременно являлся жрецом-шаманом. Он носил имя *саньлао* [Кюнер, 1961. С. 235], которое в древнекитайской транскрипции, по мнению Э. В. Шавкунова, прочитывается как *самно*, т. е. сопоставим с тунгусо-маньчжурским *шаман* [Шавкунов, 1959. С. 55–56]. Как сообщает Сыма Цянь, у древних китайцев колдун, маг из Вэй также назывался *сянь* [Сыма Цянь, 1972. С. 198, 424]. Э. В. Шавкунов связывает название *саньлао* — *самно* с индонезийским *сьямаса*, *самас* — ‘священнослужитель, дьякон’ [Индонезийско-русский словарь, 1961. С. 725] и айнским *шаман* [Шавкунов, 1990. С. 29]. Отметим, что

индонезийское слово имеет, по-видимому, индийское происхождение от *шрамана* — ‘монах’. В санскрите *шрамана* — будд. ‘нищенствующий, страдающий’ [Санскритско-русский словарь, 1978. С. 657, 725, 739]. В персидском *шаман* — уст. ‘боящийся, испуганный, стонущий, плачущий’ [Персидско-русский словарь, 1983. С. 113]. В айнском языке слово и понятие *эшман* было заимствовано из тунгусо-маньчжурских языков.

Фуюй/Пуё

С эпохи Хань (II в. до н. э. — II в. н. э.) племя илоу вошло в состав государства Фуюй (кит.) (*Пуё* — кор.), в результате чего произошло смешение народов. Напомним, в отношении *фуюй* высказывались разные точки зрения. Начиная с востоковедческой традиции, Н. Я. Бичурин и другие исследователи относили *фуюй/пуё* к тунгусо-маньчжурам, которые были родственны *когурё* [Бичурин, 1950. Т. 2. С. 8; Джарылгасинова, 1972. С. 96; Шавкунов, 1959. С. 45–46; Лебедева, 1985. С. 15]. По мнению Ю. М. Бутина, государства *Пуё* и *Когурё* населяли алтайские народы *е* и *мэк*, по языку родственные древнеманьчжурским народам [Бутин, 1984. С. 42, 44]. Е. П. Лебедева возводит слово *фуюй* к тунгусо-маньчжурскому и монгольскому названию *бэе* — ‘тело, сам, человек’ [Лебедева, 1985. С. 3]. Интересно отметить сообщение в китайском источнике о том, что внешне *илоу* и *фуюй* не отличались. Известно, что *илоу* находились под влиянием *фуюй* и могли смешаться с ними. Но по языку *илоу* не имели сходства ни с одним племенем по соседству. То, что *фуюй* в 285 г. были разгромлены *сяньбийцами* и омонголены, вероятно, позволило Э. В. Шавкунову относить их к монголоязычным народам [Шавкунов, 1990. С. 33]. Существует точка зрения о палеоазиатской принадлежности *фуюй* [Воробьев, 1994. С. 25].

В отношении *фуюй* в «Цзинь шу» говорится, что их страна производит пять хлебов, то есть пригодна для земледелия, разводят также лошадей, быков, коров, собак, занимаются охотой на соболей, морским промыслом тюленей. В «Вэйчжи» отмечается, что обычаи *фуюй* сходны с *хунну* [Кюнер, 1961. С. 229], о чем свидетельствует тип одежды и элементы духовной культуры. *Фуюй* свой костюм шьют из белого полотна, носят кафтаны с большими рукавами, штаны и кожаную обувь, именитые лица имеют шубы из меха соболя [Кюнер, 1961. С. 228, 250–251].

Для погребения *фуюй* имеют наружный гроб, нет внутреннего. Государя хоронят в мраморном ящике [Бичурин, 1950. Т. 2. С. 22]. Обычай делать наземный погребальный домик отличает амурских тунгусо-маньчжуров от других народов, в том числе от тюрков и монголов. Во время траура *фуюй* носили белую холщовую одежду, женщины удаляли яшмовые подвески. Известно, что белая траурная одежда была характерна для корейцев. Яшмовые подвески в

виде *магатамы* — завитка-зародыша, связанного с культом плодородия, были характерны для Древней Кореи и Японии.

В востоковедческой традиции считается, что, согласно генеалогической легенде, *фуюй/пуё* вошли в состав элиты правящего дома *Когурё*. Это повторяется в легенде *Корё* и восходит к *Сяньби* [Кычанов, 2007. С. 190–191]. В одном из вариантов легенды, по сведениям «Вэй шу», говорится, что с *Чумоном* путешествовали его друзья *Оин* и *Ови*, имена которых сопоставляются исследователями с тунгусо-маньчжурскими [Джарылгасинова, 1972. С. 96]. В пользу смешанного состава населения *Когурё* свидетельствует анализ изображения на погребальной камере гробницы *Муёнчхон* группы танцующих женщин в левополых халатах с бляшками на подоле амурского типа, в сочетании с шароварами [Джарылгасинова, 1972. С. 72–73, 158–159]. Такое изображение является элементом скотоводческой культуры, вероятно *дунху* — *сяньби*.

Источник сообщает, что *фуюй* в первой луне (по другим данным — в двенадцатой луне) приносят жертву небу, тогда они собираются в большом числе и несколько дней пьют и едят, поют песни и пляшут. Это называется «встречать бубен». На собраниях распивают круговую чарку. В другом месте отмечено, что *фуюй* перед войной приносят жертву небу, закалывают быка и по его копытам гадают, ждет ли их благополучие [Бичурин, 1950. Т. 2. С. 22; Кюнер, 1961. С. 228]. Культ неба Тенгрианство, связанный с шаманством, был широко распространен у тюрко-монгольских народов и имел аналогии в культе *Боа Эндури* — небесного верховного божества у тунгусо-маньчжурских народов, на название которых повлияли индоевропейцы или иранцы. В представлениях тунгусо-маньчжуров, терминами *тылга*, *дылача*, близкими к *тенгри*, обозначено божество солнца и неба [Сем, 2015. С. 164–182, 224–226].

Заключение

Таким образом, ранняя история тунгусо-маньчжурских народов восходит к эпохе неолита китайской и неолита-бронзы маньчжурской прародины. Две группы тунгусо-маньчжуров — предки северных тунгусов (эвенков и эвенов) и маньчжуров, народов Амура, сформировались на стыке байкальских и восточноазиатских монголоидов в Байкальском регионе, в Маньчжурии и Приамурье. Они включили в свой состав прауральцев, северо-восточных палеоазиатов и восточноазиатское население. Народы Амура образовались в результате неоднократной метисации северных и южных тунгусов и контактов с восточноазиатами и палеоазиатами — нивхами и айнами. Тунгусо-маньчжуры составили основу летописных *дун-и* (*сушеной-илоу*, *воцзюй*, *фуюй*), которые в период пратногенеза пребывали в Китае и смешались с ин-

донецкими. Известное влияние оказали на них древние китайцы эпохи Чжоу и Хань. В дальнейшем, продвинувшись в Маньчжурию, Приморье и Приамурье, *сушени* вошли в состав *дунху*, частично смешавшись с ними и войдя в группу *ху/си* (*кумохи*). В этот период они влились в древний Чосон и взаимодействовали с *шаньжунами* и древнекорейскими племенами *вэймо*. Пребывая в Центральной Азии, на Алтае, тунгусы контактировали с *хунну* и индоиранцами карасукской археологической культуры эпохи

бронзы, позднее — со скифами-пазырыкцами. На Дальнем Востоке с эпохи неолита тунгусоманьчжурские смешивались с палеоазиатскими племенами протонивхов и древними протоайнами. Процессы этнокультурных взаимодействий способствовали смешению народов в данном регионе, обмену культурными ценностями и формированию древней основы для разных групп тунгусо-маньчжурских народов — северных тунгусов, тунгусоманьчжуров Амура и маньчжуров.

Использованная литература

- Алкин, 2007: *Алкин С. В.* Древние культуры Северо-Востока Китая. Неолит Южной Маньчжурии (История и культура Востока Азии). Новосибирск, 2007.
- Alkin S. V.* Drevnie kul'tury Severo-Vostoka Kitaya. Neolit Uzhnoj Man'chzhurii (Istoriya i kul'tura Vostoka Azii). Novosibirsk, 2007.
- Alkin S. V.* Ancient cultures of Northeast China. Neolithic of Southern Manchuria (History and culture of the East of Asia). Novosibirsk, 2007.
- Археология зарубежной Азии, 1986: Археология зарубежной Азии / Г. М. Бонгард-Левин, Д. В. Деопик, А. П. Деревяно и др. М., 1986.
- Arheologiya Zarubezhnoj Azii / G. M. Bongard-Levin, D. V. Deopik, A. P. Derevyanko i dr. M., 1986.
- Archeology of Foreign Asia / G. M. Bongard-Levin, D. V. Deopik, A. P. Derevyanko et al. M., 1986.
- Арутюнов, 1960: *Арутюнов С. А.* К оценке роли миграций в древней истории Японии // Советская этнография. 1960. № 1. С. 60–71.
- Arutiunov S. A.* K otsenke roli migratsii v drevnei istorii Iaponii // Sovetskaja etnografiya. 1960. № 1. S. 60–71.
- Arutiunov S. A.* On the assessment of the role of migrations in the ancient history of Japan // Soviet Ethnography. 1960. № 1. S. 60–71.
- Балуева, 1978: *Балуева Т. С.* Краниологический материал неолитического слоя пещеры Чертовы ворота (Приморье) // Вопросы антропологии. 1978. Вып. 58. С. 184–187.
- Balueva T. S.* Kraniologicheskij material neoliticheskogo sloya peshchery Chertovy vorota (Primor'e) // Voprosy antropologii. 1978. Vyp. 58. S. 184–187.
- Balueva T. S.* The craniological material of the Neolithic layer of the Devil's Gate cave (Primorye) // Issues of Anthropology. 1978. Iss. 58. P. 184–187.
- Баскаков, 1981: *Баскаков Н. А.* Алтайская семья языков и ее изучение. М., 1981.
- Baskakov N. A.* Altajskaya sem'ya yazykov i ee izuchenie. M., 1981.
- Baskakov N. A.* Altai language family and its research. M., 1981.
- Белянская, 2004: *Белянская М. Х.* Традиция и современность. Культура выживания северных тунгусов в Северо-Восточной Азии. Историко-этнографический очерк. СПб., 2004.
- Belyanskaya M. H.* Tradiciya i sovremennost'. Kul'tura vyzhivaniya severnyh tungusov v Severo-Vostochnoj Azii. Istoriiko-ethnograficheskij ocherk. SPb., 2004.
- Belyanskaya M. Kh.* Tradition and modernity. The survival culture of the northern Tungus in Northeast Asia. Historical and ethnographic essay. SPb., 2004.
- Березниций, 1996: *Березницкий С. В.* Об этногенезе тунгусоманьчжуров Дальнего Востока // Сибирь. Древние этносы и их культуры. СПб., 1996. С. 146–163.
- Bereznickij S. V.* Ob ehtnogeneze tunguso-man'chzhurov Dal'nego Vostoka // Sibir'. Drevnie ehtnosy i ih kul'tury. SPb., 1996. S. 146–163.
- Bereznijsky S. V.* About the ethnogenesis of the Tungus-Manchus of the Far East // Siberia. Ancient ethnic groups and their cultures. St. Petersburg, 1996. P. 146–163.
- Бичурин, 1950: *Бичурин Н. Я. (Иакинф).* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1–2. М.; Л., 1950.
- Bichurin N. Ya. (Iakinf).* Sbranie svedenij o narodah, obitayushchih v Srednej Azii v drevnie vremena. T. 1–2. M.; L., 1950.
- Bichurin N. Ya. (Iakinf).* Collection of information about the peoples living in Central Asia in ancient times. T. 1–2. M.; L., 1950.
- Бродянский, 2004: *Бродянский Д. Л.* Илоу и воцзюй: новый взгляд на старую загадку // Люди и проблемы дальневосточной археологии (очерки, эссе, статьи, доклады). Новосибирск, 2004. С. 105–116.
- Brodyanskij D. L.* Ilou i voczyuj: novyj vzglyad na staruyu zagadku // Lyudi i problem dal'nevostochnoj arheologii (ocherki, ehsse, stat'i, doklady). Novosibirsk, 2004. S. 105–116.
- Brodyansky D. L.* Ilou and Wojcu: a new look at the old riddle // People and problems of Far Eastern archeology (theses, essays, articles, reports). Novosibirsk, 2004. P. 105–116.
- Бурькин, 1984: *Бурькин А. А.* Древнейшие субстратные и адстратные компоненты в лексике тунгусо-маньчжурских языков // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока: Тезисы и доклады конференции. М., 1984. Ч. 1. С. 20–23.
- Burykin A. A.* Drevnejshie substratnye i adstratnye komponenty v leksike tunguso-man'chzhurskih yazykov // Lingvisticheskaya rekonstrukciya i drevnejshaya istoriya Vostoka: Tezisy i doklady konferencii. M., 1984. Ch. 1. S. 20–23.
- Burykin A. A.* The most ancient substrate and abstract components in the vocabulary of the Tungus-Manchu languages // Linguistic reconstruction and the most ancient history of the

East: Abstracts and conference reports. M., 1984. Part 1. P. 20–23.

Бурькин, 1988: *Бурькин А. А.* Тунгусо-маньчжурско-нивхские связи и проблема генетической принадлежности нивхского языка // Вопросы лексики и синтаксиса языков народов Крайнего Севера СССР. Л., 1988. С. 136–149.

Burykin A. A. Tunguso-man'chzhursko-nivhskie svyazi i problema geneticheskoy prinadlezhnosti nivhskogo yazyka // Voprosy leksiki i sintaksisa yazykov narodov Krajnego Severa SSSR. L., 1988. S. 136–149.

Burykin A. A. Tungus-Manchu-Nivkh relations and the problem of the genetic affiliation of the Nivkh language // Questions of vocabulary and syntax of languages of the peoples of the Far North USSR. L., 1988. P. 136–149.

Бутин, 1982: *Бутин Ю. М.* Древний Чосон (историко-археологический очерк). Новосибирск, 1982.

Butin Yu. M. Drevnij Choson (istoriko-arheologicheskij ocherk). Novosibirsk, 1982.

Butin Yu. M. Ancient Joseon (historical and archaeological essay). Novosibirsk, 1982.

Бутин, 1984: *Бутин Ю. М.* К проблеме происхождения корейцев и маньчжуров // Проблемы реконструкции в этнографии. Новосибирск, 1984. С. 38–55.

Butin Yu. M. K probleme proiskhozhdeniya korejcev i man'chzhur // Problemy rekonstrukcii v etnografii. Novosibirsk, 1984. С. 38–55.

Butin Yu. M. To the problem of the origin of Koreans and Manchurians // Problems of reconstruction in ethnography. Novosibirsk, 1984. С. 38–55.

Василевич, 1957: *Василевич Г. М.* К проблеме этногенеза тунгусо-маньчжуров (по материалам изучения колыбелей) // КСИЭ. 1957. Т. XXVIII. С. 57–61.

Vasilevich G. M. K probleme ehtnogeneza tunguso-man'chzhurov (po materialam izucheniya kolybelej) // KSIE. 1957. T. XXVIII. С. 57–61.

Vasilevich G. M. To the problem of ethnogenesis of the Tungus-Manchu (on materials of study cradle) // KSIE. 1957. T. XXVIII. P. 57–61.

Васильев и др., 2015: *Васильев С. А., Березкин Ю. Е., Козинцев А. Г., Пейрос И. И., Слободин С. Б., Табаров А. В.* Заселение человеком Нового Света. Опыт комплексных исследований. СПб., 2015.

Vasil'ev S. A., Berezkin Yu. E., Kozintsev A. G., Peyros I. I., Slobodin S. B., Tabarev A. V. Zaselenie chelovekom Novogo Sveta. Opyt kompleksnyh issledovanij. SPb., 2015.

Vasiliev S. A., Berezkin Yu. E., Kozintsev A. G., Peyros I. I., Slobodin S. B., Tabarev A. V. Human occupation of the New World. Experience in integrated research. SPb., 2015.

Викторова, 1980: *Викторова Л. Л.* Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М., 1980.

Viktorova L. L. Mongoly. Proiskhozhdenie naroda i istoki kul'tury. M., 1980.

Viktorova L. L. Mongols. The origin of the people and the origins of culture. M., 1980.

Воробьев, 1994: *Воробьев М. В.* Маньчжурия и Восточная внутренняя Монголия с древнейших времен до IX в. включительно. Владивосток, 1994.

Vorob'ev M. V. Man'chzhuriya i Vostochnaya vnutrennyaya Mongoliya s drevnejshih времен до IX v. vkl'yuchitel'no. Vladivostok, 1994.

Vorobiev M. V. Manchuria and Eastern Inner Mongolia from Ancient Times to IX c. inclusive. Vladivostok, 1994.

Гохман, Решетов, 1981: *Гохман И. И., Решетов А. М.* О границах распространения североазиатских монголоидов в древности // СЭ. 1981. № 6. С. 78–88.

Gohman I. I., Reshetov A. M. O granicah rasprostraneniya severoaziatskih mongoloidov v drevnosti // Seth. 1981. № 6. S. 78–88.

Gokhman I. I., Reshetov A. M. On the distribution boundaries of North Asian Mongoloids in ancient times // Soviet Ethnography. 1981. No. 6. P. 78–88.

Дашибалов, 2011: *Дашибалов Е. Б.* Древние и ранние монголоязычные народы и их связи с населением Маньчжурии и Корейского п-ва: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2011. С. 1–29.

Dashibalov E. B. Drevnie i rannie mongoloyazychnye narody i ih svyazi s naseleniem Man'chzhurii i Korejskogo p-va: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Ulan-Udeh, 2011. S. 1–29.

Dashibalov E. B. Ancient and early Mongol-speaking peoples and their relations with the population Manchuria and the Korean Peninsula: Autoref. dis. ... Cand. ist. science. Abstract. Ph. D. Ulan-Ude, 2011. P. 1–29.

Деревянко, 1976: *Деревянко А. П.* Приамурье. (I тыс. до н. э). Новосибирск, 1976.

Derevyanko A. P. Priamur'e. (I tys. do n. eh). Novosibirsk, 1976.

Derevyanko A. P. Amur region. (I millennium BC). Novosibirsk, 1976.

Деревянко, 1981: *Деревянко Е. И.* Племена Приамурья. I тысячелетие нашей эры. (Очерки этнической истории и культуры). Новосибирск, 1981.

Derevyanko E. I. Plemena Priamur'ya. I tysyacheletie nashoj ery. (Ocherki ehtnicheskoy istorii i kul'tury). Novosibirsk, 1981.

Derevyanko E. I. Tribes of the Amur Region. I millennium AD. (Essays on ethnic history and culture). Novosibirsk, 1981.

Дёрфер, 1986: *Дёрфер Г.* О языке гуннов // Зарубежная тюркология. Вып. 1. Древние тюркские языки и литература. М., 1986. С. 71–134.

Dyorfer G. O yazyke gunnov // Zarubezhnaya tyurkologiya. Vyp. 1. Drevnie tyurkskie yazyki i literatura. M., 1986. S. 71–134.

Dörfer G. On the language of the Huns // Foreign Turcology. Issue 1. Ancient Turkic languages and literature. M., 1986. P. 71–134.

Джарьлгасинова, 1972: *Джарьлгасинова Р. Ш.* Древние когуресцы (к этнической истории корейцев). М., 1972.

Dzharylgasinova R. Sh. Drevnie kogurescy (k ehtnicheskoy istorii korejcev). M., 1972.

Dzharylgasinova R. Sh. Ancient Kogurets (to the ethnic history of Koreans). M., 1972.

Дьякова, 2008: *Дьякова О. В.* Тунгусо-маньчжуры: этническая история и этногенез в археологической и этнографической ретроспекциях // Тунгусо-маньчжурская проблема сегодня. Первые Шавкуновские чтения. Владивосток, 2008. С. 61–70.

D'yakova O. V. Tunguso-man'chzhury: ehtnicheskaya istoriya i ehtnogenez v arheologicheskoy i ehtnograficheskoy retrospekciyah // Tunguso-man'chzhurskaya problema segodnya. Pervye Shavkunovskie chteniya. Vladivostok, 2008. S. 61–70.

Dyakova O. V. Tunguso-Manchus: ethnic history and ethnogenesis in archaeological and ethnographic flashbacks // The Tungus-Manchu problem today. First Shavkunov readings. Vladivostok, 2008. P. 61–70.

Иванов, 1954: *Иванов С. В.* Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — начала XX в. Сюжетный рисунок и другие виды изображений на плоскости. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 839 с.+13 л. ил. (ТИЭ. Новая серия. Т. XXII).

Ivanov S. V. Materialy po izobrazitel'nomu iskusstvu narodov Sibiri XIX — nachala XX v. Sjuzhetniy risunok i drugie vidy izobrazhenii na ploskosti. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1954. 839 s. 13 l. il. (ТИЭ. Novaia serii. T. XXII).

Ivanov S. V. Materials on the fine arts of the peoples of Siberia XIX — early XX century. Story drawing and other types of images on the plane. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1954. 839 s. 13 l. il.

Идес, Бранд, 1967: *Идес И., Бранд А.* Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695). М., 1967.

Ides I., Brand A. Zapiski o russkom posol'stve v Kitaj (1692–1695). M., 1967.

Ides I., Brand A. Notes on the Russian Embassy to China (1692–1695). M., 1967.

Иллич-Свитыч, 1971: *Иллич-Свитыч В. М.* Опыт сравнения nostrатических языков. Введение. Сравнительный словарь. М., 1971.

Illich-Svitych V. M. Opyt sravneniya nostraticheskikh yazykov. Vvedenie. Sravnitel'nyj slovar'. M., 1971.

Illich-Svitych V. M. Experience comparing nostratic languages. Introduction Comparative Dictionary. M., 1971.

Индонезийско-русский словарь, 1961: Индонезийско-русский словарь / сост. Р. Н. Коригодский, О. Н. Кондрашкин, Б. И. Зиновьев. М., 1961.

Indonezijsko-russkij slovar' / sost. R. N. Korigodskij, O. N. Kondrashkin, B. I. Zinov'ev. M., 1961.

Indonesian-Russian Dictionary / comp. by R. N. Korigodsky, O. N. Kondrashkin, B. I. Zinoviev. M., 1961.

Киселев, 1951: *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951.

Kiselev S. V. Drevnyaya istoriya Urzhnoj Sibiri. M., 1951.

Kiselev S. V. The ancient history of southern Siberia. M., 1951.

Крюков и др., 1978: *Крюков М. В., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н.* Древние китайцы: проблемы этногенеза. М., 1978.

Kryukov M. V., Sofronov M. V., Cheboksarov N. N. Drevnie kitajcy: problemy ehtnogeneza. M., 1978.

Kryukov M. V., Sofronov M. V., Cheboksarov N. N. Ancient Chinese people: problems of ethnogenesis. M., 1978.

Кычанов, 2007: *Кычанов Е. И.* Легенды о происхождении правящего дома и проблема родства древних этносов // Проблемы общей и региональной этнографии (К 75-летию А. М. Решетова). СПб., 2007. С. 190–195.

Kychanov E. I. Legendy o proiskhozhdenii pravayshchego doma i problema rodstva drevnih ethnosov // Problemy obshchej i regional'noj ehtnografii (K 75-letiyu A. M. Reshetova). SPb., 2007. S. 190–195.

Kychanov E. I. Legends about the origin of the ruling house and the problem of the kinship of the ancients ethnic groups

// Problems of general and regional ethnography (On the 75th anniversary of A. M. Reshetov). St. Petersburg, 2007. P. 190–195.

Кюннер, 1961: *Кюннер Н. В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.: Изд-во вост. лит., 1961. 391 с.

Kiuner N. V. Kitaiskie izvestiia o narodakh Iuzhnoi Sibiri, Tsentral'noi Azii i Dal'nego Vostoka. M.: Izdatel'stvo vostochnoi literatury, 1961. 391 s.

Kiuner N. V. Chinese reports on the peoples of Southern Siberia, Central Asia and the Far East. M.: Izdatel'stvo vostochnoi literatury, 1961. 391 s.

Ларичев, 1959: *Ларичев В. Е.* Древние культуры Северного Китая (эпоха неолита и бронзы) // Труды. Серия историческая. Т. 1. Саранск, 1959. С. 75–96.

Larichev V. E. Drevnie kul'tury Severnogo Kitaya (ehpoha neolita i bronzy) // Trudy. Seriya istoricheskaya. T. 1. Saransk, 1959. S. 75–96.

Larichev V. E. Ancient cultures of North China (Neolithic and Bronze Age) // Transactions. Series historical. T. 1. Saransk, 1959. P. 75–96.

Ларичев, 1964: *Ларичев Е. П.* Летописные известия о древних тунгусо-маньчжурских племенах сусхень-илоу // Известия СО АН СССР, серия общественных наук. Вып. 3. № 9. 1964. С. 119–130.

Larichev E. P. Letopisnye izvestiya o drevnih tungusoman'chzhurskikh plemen sushen'ilou // Izvestiya SO AN SSSR, seriya obshchestvennykh nauk. Vyp. 3. No. 9. 1964. S. 119–130.

Larichev E. P. Chronicles of the ancient Tungus-Manchu tribes sushi-low // Izvestiya SB AN SSSR, series of social sciences. Ed. 3. No. 9, 1964. P. 119–130.

Ларичев, 1980: *Ларичев В. Е.* Народы Дальнего Востока в древности и средневековье и их роль в культурной и политической истории Восточной Азии // Дальний Восток и ее соседние территории в средние века. Новосибирск, 1980. С. 8–38.

Larichev V. E. Narody Dal'nego Vostoka v drevnosti i srednevekov'e i ih rol' v kul'turnoj i politicheskoy istorii Vostochnoj Azii // Dal'nij Vostok i ee sosednie territorii v srednie veka. Novosibirsk, 1980. S. 8–38.

Larichev V. E. The peoples of the Far East in antiquity and the Middle Ages and their role in the cultural and political history of East Asia // The Far East and its neighboring territories in the Middle Ages. Novosibirsk, 1980. P. 8–38.

Лебедева, 1958: *Лебедева Е. П.* Лингвистический анализ родовых названий маньчжуров // Вопросы языкознания. 1958. № 3. С. 100–109.

Lebedeva E. P. Lingvisticheskij analiz rodovykh nazvanij man'chzhurov // Voprosy yazykoznanija. 1958. № 3. S. 100–109.

Lebedeva E. P. Linguistic analysis of the generic names of the Manchus // Questions of Linguistics. 1958. No. 3. P. 100–109.

Лебедева, 1985: *Лебедева Е. П.* Фуюй (Пуё) // Формирование культурных традиций тунгусо-маньчжурских народов. Новосибирск, 1985. С. 3–26.

Lebedeva E. P. Fuyuj (Puyo) // Formirovanie kul'turnykh tradicij tungusoman'chzhurskikh narodov. Novosibirsk, 1985. S. 3–26.

- Lebedeva E. P.* Fuyuy (Puyu) // Formation of the cultural traditions of the Tungus-Manchu peoples. Novosibirsk, 1985. P. 3–26.
- Левин, 1958: *Левин М. Г.* Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. М., 1958.
- Levin M. G.* Ethnicheskaya antropologiya i problemy ehtnogeneza narodov Dal'nego Vostoka. M., 1958.
- Levin M. G.* Ethnic anthropology and problems of ethnogenesis of the peoples of the Far East. M., 1958.
- Мелихов, 1974: *Мелихов Г. В.* Маньчжуры на Северо-Востоке (XVII в.). М., 1974.
- Melikhov G. V.* Man'chzhury na Severo-Vostoke (XVII v.). M., 1974.
- Melikhov G. V.* Manchus in the Northeast (XVII century.). M., 1974.
- Новгородова, 1989: *Новгородова Э. А.* Древняя Монголия (Некоторые проблемы хронологии и этнокультурной истории). М., 1989.
- Novgorodova E. A.* Drevnyaya Mongoliya (Nekotorye problemy hronologii i ehtnokul'turnoj istorii). M., 1989.
- Novgorodova E. A.* Ancient Mongolia (Some problems of chronology and ethnocultural history). M., 1989.
- Окладников, 1968: *Окладников А. П.* Тунгусо-маньчжурская проблема и археология // История СССР. 1968. № 6. С. 25–42.
- Okladnikov A. P.* Tunguso-man'chzhurskaya problema i arheologiya // Istoriya SSSR. 1968. № 6. S. 25–42.
- Okladnikov A. P.* The Tungus-Manchu problem and archeology // History of the USSR. 1968. No. 6. P. 25–42.
- Окладников, 1971: *Окладников А. П.* Петроглифы Нижнего Амура. Л., 1971.
- Okladnikov A. P.* Petroglify Nizhnego Amura. L., 1971.
- Okladnikov A. P.* Petroglyphs of the Lower Amur. L., 1971.
- Окладников, Деревянко, 1973: *Окладников А. П., Деревянко А. П.* Далекое прошлое Приморья и Приамурья. Владивосток, 1973.
- Okladnikov A. P., Derevyanko A. P.* Dalekoe proshloe Primor'ya i Priamur'ya. Vladivostok, 1973.
- Okladnikov A. P., Derevyanko A. P.* The remote past of Primorye and Amur. Vladivostok, 1973.
- Певнов, 1984: *Певнов А. М.* Отношение удэгейского к другим языкам // Арсеньевские чтения (Тезисы докладов). 7–8 апреля 1984 г. Хабаровск, 1984. С. 57–60.
- Pevnov A. M.* Otnoshenie dehgayskogo k drugim yazykam // Arsen'evskie chteniya (Tezisy dokladov). 7–8 aprelya 1984 g. Habarovsk, 1984. S. 57–60.
- Pevnov A. M.* Attitude of Udege to other languages // Arsenyev readings (Abstracts reports). April 7–8, 1984. Khabarovsk, 1984. P. 57–60.
- Певнов, 2004: *Певнов А. М.* Чтение чжурчженских письмен. СПб., 2004.
- Pevnov A. M.* Chtenie chzhurchzhenskikh pis'men. SPb., 2004.
- Pevnov A. M.* Reading of Jurchen letters. SPb., 2004.
- Персидско-русский словарь, 1983: Персидско-русский словарь / под ред. Ю. А. Рубинчика: в 2 т. М., 1983.
- Persidsko-russkij slovar' / pod red. Yu. A. Rubinchika: v 2 t. M., 1983.*
- Persian-Russian Dictionary / Ed. by Yu. A. Rubinchik: in 2 vol. M., 1983.
- Санскритско-русский словарь, 1978: Санскритско-русский словарь / сост. В. А. Кочергина. М., 1978.
- Sanskritko-russkij slovar' / sost. V. A. Kochergina. M., 1978.*
- Sanskrit-Russian Dictionary / comp. by V. A. Kochergina. M., 1978.
- Сем, 1973: *Сем Ю. А.* Нанайцы: Материальная культура (вторая половина XIX — середина XX в.): Этногр. очерки. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1973. 314 с.
- Sem Yu. A.* Nanaitsy: Material'naia kul'tura (vtoraia polovina XIX — seredina XX v.): Etnogr. ocherki. Vladivostok: DVNTs AN SSSR, 1973. 314 s.
- Sem Yu. A.* Nanai: Material Culture (second half of the XIX — mid XX centuries): Ethnographic essays. Vladivostok: DVNTs AN SSSR, 1973. 314 s.
- Сем, 1984: *Сем Т. Ю.* Типы погребений и ареалы их распространения у тунгусо-маньчжурских народов Приамурья и Приморья (к. XIX — XX в.) // Культура народов Дальнего Востока: традиции и современность. Владивосток, 1984. С. 109–119.
- Sem T. Yu.* Tipy pogrebenij i arealy ih rasprostraneniya u tunguso-man'chzhurskikh narodov Priamur'ya i Primor'ya (k. XIX — XX v.) // Kul'tura narodov Dal'nego Vostoka: tradicii i sovremennost'. Vladivostok, 1984. S. 109–119.
- Sem T. Yu.* Types of burials and areas of their distribution among the Tungus-Manchu peoples Amur and Primorye (end XIX — XX centuries) // Culture of the peoples of the Far East: traditions and modernity. Vladivostok, 1984. P. 109–119.
- Сем, 2015: *Сем Т. Ю.* Картина мира тунгусов: пантеон (семантика образов и этнокультурные связи). Историко-этнографические очерки. СПб., 2015.
- Sem T. Yu.* Kartina mira tungusov: panteon (semantika obrazov i ehtnokul'turnye svyazi). Istoriko-ehntnograficheskie ocherki. SPb., 2015.
- Sem T. Yu.* The picture of the world of the Tungus: pantheon (semantics of images and ethnocultural relations). Historical and ethnographic essays. SPb., 2015.
- Сем, 2017: *Сем Т. Ю.* Традиционный костюм тунгусов: семантика покроя и декора (к проблеме культурогенеза) // Moda и дизайн: исторический опыт. Новые технологии. Материалы XX междунар. науч. конф. 30 мая — 2 июня. СПб., 2017. С. 202–208.
- Sem T. Yu.* Tradicionnyj kostyum tungusov: semantika pokroya i dekora (k probleme kul'turogeneza) // Moda i dizajn: istoricheskij opyt. Novye tekhnologii. Materialy XX v. mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. 30 maya — 2 iyunya. SPb., 2017. S. 202–208.
- Sem T. Yu.* Traditional costume of the Tungus: semantics of cut and decoration (to the problem of cultural genesis) // Fashion and Design: historical experience. New technologies. Materials of the XX international scientific conference. May 30 — June 2. SPb., 2017. P. 202–208.
- Смоляк, 1980: *Смоляк А. В.* Проблемы этногенеза тунгусоязычных народов Нижнего Амура // Этногенез народов Севера. М., 1980. С. 177–195.
- Smolyak A. V.* Problemy ehtnogeneza tungusoyazychnyh narodov Nizhnego Amura // Ehtnogeneza narodov Severa. M., 1980. S. 177–195.

- Smolyak A. V.* Problems of ethnogenesis of the Tungus-speaking peoples of the Lower Amur // *Ethnogenesis of the peoples of the North*. M., 1980. P. 177–195.
- Соколов, 2014: *Соколов А. М.* Айны: от истоков до современности (материалы к истории становления айнского этноса). СПб., 2014.
- Sokolov A. M.* Ajny: ot istokov do sovremennosti (materialy k istorii stanovleniya ajnskogo etnosa). SPb., 2014.
- Sokolov A. M.* Ainu: from the origins to the present (materials to the history of formation Ainu ethnic group). SPb., 2014.
- Сравнительный словарь, 1975: Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому языку / под ред. В. И. Цинциус. Л., 1975. Т. 1; 1977. Т. 2.
- Sravnitel'nyj slovar' tunguso-man'chzhurskih yazykov. Materialy k etimologicheskomu yazyku / pod red. V. I. Cincius. L., 1975. T. 1; 1977. T. 2.
- Comparative dictionary of Tungus-Manchu languages. Materials for etymological language / Ed. V. I. Tsintsius. L., 1975. V. 1; 1977. V. 2.
- Старостин, 1991: *Старостин С. А.* Алтайская проблема и происхождение японского языка. М., 1991.
- Starostin S. A.* Altajskaya problema i proiskhozhdenie yaponskogo yazyka. M., 1991.
- Starostin S. A.* Altai problem and the origin of the Japanese language. M., 1991.
- Сыма Цянь, 1972: *Сыма Цянь.* Исторические записки («Ши цзы»). Т. 1. М., 1972.
- Sima Tsyun'.* Istoricheskie zapiski («Shi czy»). T. 1. M., 1972.
- Sima Qian.* Historical Notes («Shih Tzu»). Vol. 1. M., 1972.
- Таскин, 1984: *Таскин В. С.* Материалы по истории древних кочевых народов группы Дунху. М., 1984.
- Taskin V. S.* Materialy po istorii drevnih kochevyh narodov grupy Dunhu. M., 1984.
- Taskin V. S.* Materials on the history of the ancient nomadic peoples of the Donghu group. M., 1984.
- Туголуков, 1980: *Туголуков В. А.* Этнические корни тунгусов // *Этногенез народов Севера*. М., 1980. С. 152–176.
- Tugolukov V. A.* Etnicheskie korni tungusov // *Ethnogenesis narodov Severa*. M., 1980. S. 152–176.
- Tugolukov V. A.* Ethnic roots of the Tungus // *Ethnogenesis of the peoples of the North*. M., 1980. P. 152–176.
- Туров, 2008: *Туров М. Г.* Эвенки. Основные проблемы этногенеза и этнической истории. Иркутск, 2008.
- Turov M. G.* Evenki. Osnovnye problemy etnogeneza i etnicheskoy istorii. Irkutsk, 2008.
- Turov M. G.* Evenki. The main problems of ethnogenesis and ethnic histories. Irkutsk, 2008.
- Цинциус, 1978: *Цинциус В. И.* Центральные и маргинальные фонетические ареалы Приамурья и Приморья // *Народы и языки Сибири. Ареальные исследования*. М., 1978. С. 59–66.
- Cincius V. I.* Central'nye i marginal'nye foneticheskie arealy Priamur'ya i Primor'ya // *Narody i yazyki Sibiri. Areal'nye issledovaniya*. M., 1978. S. 59–66.
- Tsintsius V. I.* Central and marginal phonetic areas of Amur and Primorye // *Peoples and languages of Siberia. Areal studies*. M., 1978. S. 59–66.
- Чебоксаров, 1949: *Чебоксаров Н. Н.* Северные китайцы и их соседи // *Краткие сообщения Института этнографии*. 1949. Вып. 5. С. 64–69.
- Cheboksarov N. N.* Severnye kitajcy i ih sosedi // *Kratkie soobshcheniya Instituta etnografii*. 1949. Vyp. 5. S. 64–69.
- Cheboksarov N. N.* North Chinese and their neighbors // *Institute Brief Communications Ethnography*. 1949. Vol. 5. P. 64–69.
- Чжан Яцин, 1984: *Чжан Яцин.* Керамика неолитических культур Восточного Китая. Новосибирск, 1984.
- Chzhan Yacin.* Keramika neoliticheskikh kul'tur Vostochnogo Kitaya. Novosibirsk, 1984.
- Zhang Yacin.* Ceramics of Neolithic cultures of East China. Novosibirsk, 1984.
- Шавкунов, 1959: *Шавкунов Э. В.* Приморье и соседние с ним районы Дунбэя и Северной Кореи в I–III вв. н. э. // *Труды СО ДВФАН СССР им. В. Л. Комарова. Серия ист.* Т. 1. Владивосток, 1959. С. 37–74.
- Shavkunov E. V.* Primor'e i sosednie s nim rajony Dunbehya i Severnoj Korei v I–III vv. n. eh. // *Trudy SO DVFANSSSR im. V. L. Komarova. Seriya ist.* T. 1. Vladivostok, 1959. S. 37–74.
- Shavkunov E. V.* Primorye and neighboring areas of Dongbei and North Korea in the I–III centuries AD // *Proceedings of the Far Eastern Federal University named after V. L. Komarova. Series ist.* T. 1. Vladivostok, 1959. P. 37–74.
- Шавкунов, 1990: *Шавкунов Э. В.* Культура чжурчженей-удигэ XII–XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. М., 1990.
- Shavkunov E. V.* Kul'tura chzhurchzhenej-udigeh XII–XIII vv. i problema proiskhozhdeniya tungusskih narodov Dal'nego Vostoka. M., 1990.
- Shavkunov E. V.* The Jurchen-Udige culture of the 12th–13th centuries and origin problem Tungus peoples of the Far East. M., 1990.
- Шаньшина, 2000: *Шаньшина Е. В.* Мифология первотворения у тунгусоязычных народов юга Дальнего Востока России (опыт мифологической реконструкции и общего анализа). Владивосток, 2000.
- Shan'shina E. V.* Mifologiya pervotvoreniya u tungusoyazychnyh narodov yuga Dal'nego Vostoka Rossii (opyt mifologicheskoy rekonstrukcii i obshchego analiza). Vladivostok, 2000.
- Shan'shina E. V.* The mythology of the creation of the Tungus-speaking peoples of the south of the Far East of Russia (experience of mythological reconstruction and general analysis). Vladivostok, 2000.
- Штернберг, 1933: *Штернберг Л. Я.* Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск, 1933.
- Shternberg L. Ya.* Gilyaki, orochi, gol'dy, negidal'cy, ajny. Habarovsk, 1933.
- Sternberg L. Ya.* Gilyaki, Oroch, Gold, Negidal, Ainu. Khabarovsk, 1933.
- Munro, 1963: *Munro G. N.* Ainu Creed and Cult. N. Y.; L., 1963.

Shirokogoroff, 1926: *Shirokogoroff S. M.* Northern tungus Migrations in the Far East (Goldi and their Ethnical Affinities). North China Branch. Vol. LVII. 1926 (пер. с англ. Архив МАЭ РАН. Ф. К02. Д. 159).

Harada Masauki, 1995: *Harada Masauki.* Dogy // Nipon — no bijutsi (Догу // Искусство Японии). № 345. Токуо: Shibundo, 1995 (на яп. яз.).

Okladnikov, 1981: *Okladnikov A. P.* Ancient art of the Amur region. Rock drawings pottery. Leningrad, 1981.

T. Yu. Sem

**The problem of the ethnogenesis of the Tungus-Manchus. Part 1.
(the current state of the issue: from the Neolithic to the turn of er)**

The article is devoted to the modern view on the problems of ethnogenesis of the Tungus-Manchu peoples on the basis of data mainly written sources and Ethnography, with separate excursions to anthropology, language and archeology. It is characterized by the early period of ethnic history of the Tungus-Manchurian peoples — from the Neolithic era to the turn of the era. Synthesis problems in a new branch of knowledge allows to characterize the formation of proto-Tungus with the participation of three groups of confederations of Central and Eastern Asia Dung-I and as well as Dung-Hu and Xunny, and also expresses the idea of relationships Tungus-Manchus with ingorance and Scythians-Pasirynek spiritual culture. Marked Parallels with the culture Dawenkou and Karasuk. The paper proves the correctness of the conclusions of classical Ethnography and Oriental studies about the affiliation of the tribes of the Sushen-Ilou to the ancestors of the Tungus-Manchus, but with clarification about mixing them in China with the Indonesians and the influence of ancient Chinese. Special attention is paid to the Tungus-Manchurian Parallels in ethnonyms and culture (economy, clothing, utensils, religious beliefs and cults) with the tribes of the Sushen, Ilou, Woju, Fuyu Chinese sources.

Key words: ethnogenesis, cultural Genesis, Tungus-Manchuria, Amur region, Primorye, Baikal, Transbaikalia, Upper Amur, Manchuria, written sources, Ethnography.

Sem Tatiana — Ph. D, leading researcher of the Russian ethnographic Museum, Department of Ethnography of the peoples of Siberia and the Far East.
e-mail:semturem@mail.ru